

**Инновационно-технологическое ядро стратегического импортозамещения:
концепция и кадровый механизм**

Осташевский С.М., к.э.н., доцент кафедры экономики, Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, Челябинск, Россия

Хайрулин Ш.Ш., к.пед.н., доцент, доцент 2 кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный Учебно-Научный Центр Военно-Воздушных Сил «Военно-Воздушная Академия имени профессора Н.Е Жуковского и Ю.А. Гагарина», Челябинск, Россия

Хайрулина Н.Н., к.ю.н, доцент 2 кафедры военно- политической работы в войсках (силах), Военный Учебно-Научный Центр Военно-Воздушных Сил «Военно-Воздушная Академия имени профессора Н.Е Жуковского и Ю.А. Гагарина», Челябинск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты коллективного исследования, посвященного концептуальному переосмыслению политики импортозамещения в условиях современных геоэкономических реалий. На основе проведенного Хайрулиным Ш.Ш. и Хайрулиной Н.Н. всестороннего историко-теоретического анализа терминологического аппарата и эволюции данной концепции выявлена необходимость её содержательного обновления. Установлено, что традиционные определения, фокусирующиеся на простом замещении товаров или протекционистской защите, неадекватны стратегическим вызовам технологической зависимости и фрагментации глобальных цепочек создания стоимости. В качестве методологического ответа на эту проблему Осташевским С.М. на основе проведенного анализа предложена новая интегративная концептуальная рамка. Её ядро составляют два авторских определения: стратегическое технологическое импортозамещение, понимаемое

как политика формирования полных национальных инновационно-производственных контуров, и суверенный технологический ландшафт, определяемый как архитектура экономической системы, обеспечивающая воспроизводственную автономию и основу для глобальной конкурентоспособности в критических отраслях. В рамках предложенной концепции детализируется механизм её практической реализации через управление человеческим капиталом. Разработана и представлена авторская модель полицентрического предпринимательского контура, состоящего из четырех функционально взаимосвязанных типов специалистов: генераторов технологических возможностей, бизнес-инвесторов, бизнес-управленцев и бизнес-аналитиков. Для динамического определения оптимального соотношения подготовки данных кадров предложена оригинальная математическая модель, основанная на объективных макроэкономических индикаторах – индексе структурного сдвига и коэффициенте технологической зависимости. Данный подход позволяет перевести кадровое планирование из области административных решений в плоскость адаптивного регулирования, синхронизированного с реальными темпами структурной трансформации экономики.

Ключевые слова: импортозамещение, стратегическое технологическое импортозамещение, суверенный технологический ландшафт, терминологический аппарат, концептуальная рамка, промышленная политика, человеческий капитал, предпринимательский контур, кадровое обеспечение, макроэкономические индикаторы.

Innovative and technological core of strategic import substitution: concept and personnel mechanism

Ostashevsky S.M., Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economics, Ural Socio-Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk, Russia

Khairulin Sh.Sh., Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the 2nd Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Military Educational

and Scientific Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», Chelyabinsk, Russia

Khairulina N.N., PhD in Law, Associate Professor of the 2nd Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Military Educational and Scientific Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», Chelyabinsk, Russia

Annotation. The article presents the results of a collective study on the conceptual rethinking of import substitution policy in the context of modern geo-economic realities. Based on the comprehensive historical and theoretical analysis of the terminological apparatus and the evolution of this concept conducted by Sh.Sh. Khairulin and N.N. Khairulina, the necessity of its substantial updating has been revealed. It has been found that traditional definitions focusing on simple substitution of goods or protectionist protection are inadequate to the strategic challenges of technological dependence and fragmentation of global value chains. As a methodological response to this problem, Ostashevsky S.M., based on the analysis, proposed a new integrative conceptual framework. Its core consists of two author's definitions: strategic technological import substitution, understood as a policy of forming complete national innovation and production circuits, and the sovereign technological landscape, defined as the architecture of an economic system that provides reproductive autonomy and the basis for global competitiveness in critical industries. Within the framework of the proposed concept, the mechanism of its practical implementation through human capital management is detailed. The author's model of a polycentric entrepreneurial circuit consisting of four functionally interrelated types of specialists has been developed and presented: generators of technological capabilities, business investors, business managers and business analysts. To dynamically determine the optimal ratio of training these personnel, an original mathematical model based on objective macroeconomic indicators – the structural shift index and the coefficient of technological dependence - is proposed. This approach makes it possible to transfer personnel planning from the field of

administrative decisions to the plane of adaptive regulation synchronized with the real pace of structural transformation of the economy.

Key words: import substitution, strategic technological import substitution, sovereign technological landscape, terminology, conceptual framework, industrial policy, human capital, entrepreneurial contour, human resources, macroeconomic indicators.

В контексте современных геоэкономических потрясений, фрагментации глобальных цепочек создания стоимости и усиления стратегической конкуренции концепция импортозамещения переживает период глубокой ревизии и нового осмысления. Её эволюция от элементарного протекционистского инструментария до комплексной парадигмы национального экономического развития отражает поиск ответов на вызовы, присущие периферийным и зависимым моделям роста. Исходная сырьевая ориентация, обеспечивавшая краткосрочные бюджетные и валютные поступления, обернулась генерацией долгосрочных системных рисков: хронической зависимости от конъюнктуры мировых рынков, технологической гетерономии (зависимости от внешних технологических решений) и прогрессирующих структурных диспропорций, подрывающих основы экономического суверенитета и безопасности. Таким образом, современное импортозамещение — это уже не просто политика «замещения товаров», а стратегия целенаправленной структурной перестройки, нацеленная на формирование замкнутых эндогенных производственных контуров, способных к саморазвитию и инновационной генерации.

Реализация подобной политики представляет собой сложный диалектический процесс, в котором потенциальные выгоды тесно переплетены с имманентными противоречиями и рисками. К ожидаемым позитивным эффектам традиционно относят достижение большей макроэкономической стабильности, снижение уязвимости перед внешними шоками благодаря диверсификации экономической структуры и локализации критически важных, чувствительных производств. Это создает фундамент для запуска

инвестиционного мультипликатора, стимулирует сопряженные отрасли и может индуцировать волну инновационной активности в защищаемых сегментах. Однако системные риски носят фундаментальный характер и проистекают из самой природы протекционистского вмешательства. Ключевая опасность заключается в высокой вероятности консервации технологического отставания и общего снижения эффективности экономики в условиях искусственного ослабления конкурентного давления. Это может привести к устойчивой модели, при которой национальная промышленность производит более дорогую и менее качественную продукцию, удовлетворительную только для внутреннего рынка, огражденного барьерами. Параллельно возникает риск формирования институциональной ловушки: защищенные производители входят в устойчивую зависимость от государственных субсидий, гарантированных закупок и тарифных барьеров, что порождает «рентно-ориентированное» поведение, направленное на лоббирование сохранения льгот, а не на повышение эффективности. Наконец, существует глубокое временное противоречие между необходимостью масштабных, рискованных и долгосрочных инвестиций в создание новых компетенций и политическим давлением, требующим демонстрации быстрых, видимых результатов.

Следовательно, центральным вопросом современной дискуссии является не столько сама целесообразность импортозамещения как реакции на структурные дисбалансы или внешние ограничения, сколько качество его архитектуры, институционального дизайна и критериев успеха. Эффективная стратегия не может быть тотальной; она должна быть селективной, динамичной и сфокусированной на создании «точек роста» в стратегически значимых секторах, где возможно формирование устойчивых конкурентных преимуществ. Критически важным представляется сочетание временных защитных мер с жесткими, измеримыми и прозрачными требованиями к реципиентам государственной поддержки в области роста производительности, технологического уровня, снижения издержек и, что принципиально, экспортной ориентации. Успех политики в конечном итоге определяется не объемом

вытесненного импорта, а способностью преобразовать её из инструмента адаптации и выживания в механизм качественного обновления экономической структуры. В этой логике импортозамещение выступает лишь промежуточной, необходимой фазой, ведущей к переходу к политике «импортоопережения» или опережающего развития, основанного на инновациях и глобальной конкурентоспособности.

Разнообразие подходов к осмыслению этого феномена в академической среде отражает его многогранность и эволюцию. Так, Павлова И. П. определяет импортозамещение как особую экономическую стратегию, основанную на снижении или запрещении импорта посредством производства аналогичного товара внутри государства. При этом автор подчеркивает, что для устойчивых результатов необходимо параллельное развитие социальной инфраструктуры и общего экономического потенциала, что создает предпосылки для будущей конкуренции на равных [12, с. 21]. Данное определение ценно своей системностью и ориентацией на долгосрочный структурный эффект, выходящий за рамки простого замещения. Оно имплицитно содержит идею последовательной трансформации: от защиты к созданию потенциала, а затем и к конкуренции. Однако в нем можно отметить определенный нормативный оптимизм, поскольку связь между развитием инфраструктуры и автоматическим возникновением способности «конкурировать на равных» не является линейной и требует конкретных механизмов трансляции инфраструктурных инвестиций в технологические и управленческие компетенции фирм.

В противоположность этому, Лозовский Л. Ш. предлагает более узкое, классическое понимание, редуцирующее концепцию до протекционистского инструментария: политика замещения импортных товаров отечественной продукцией, проводимая под покровительством квот и тарифов в целях обеспечения экономической независимости и выгоды [8]. Этот инструментальный взгляд, характерный для более раннего этапа осмысления проблемы, фиксирует лишь внешний механизм, не учитывая широкий спектр современных мер промышленной политики (субсидии развития,

государственно-частное партнерство, техническое регулирование, поддержка НИОКР). Кроме того, ключевые целевые категории — «независимость» и «выгода» — остаются нераскрытыми и абстрактными. Экономическая независимость в абсолютном смысле в современном мире недостижима, а вопрос о том, для кого и в каком периоде достигается «выгода» (для потребителей, производителей, бюджета; в краткосрочной или долгосрочной перспективе), является центральным пунктом дискуссий о целесообразности подобной политики.

Макаров А.Н. рассматривает импортозамещение с позиций региональной экономики как «рассчитанную на перспективу систему мер, обеспечивающую достижение намеченных регионом целей по объемам и структуре производства отечественной продукции при одновременном снижении потребления импортных товаров» [9, с. 36-40]. Региональный ракурс является важным дополнением, смещающим акцент на уровень субъекта федерации и подчеркивающим пространственно-развивающий, неоднородный характер политики. Это позволяет учесть специфику локализации производств и развитие межрегиональных кооперационных связей. Однако в определении сохраняется выраженный технократизм, фокусирующийся на «объемах», «структуре» и «мерах», что может недооценивать ключевые институциональные факторы успеха: качество управления, состояние конкурентной среды, защиту прав собственности и уровень коррупции, которые зачастую являются более значимыми ограничителями, чем недостаток финансовых или административных мер.

Существенно более высокую планку задает определение Семенова А.М., который понимает импортозамещение как процесс замены импортной продукции конкурентоспособной отечественной, не уступающей по параметрам качества и цены мировому рынку [20, с. 166]. Эта дефиниция делает принципиальный акцент на критериях результативности, трансформируя политику из задачи простого насыщения рынка в задачу создания качественных товаров, способных выдержать сравнение на открытом рынке. Тем самым она

интегрирует экспортную ориентацию как логически необходимый итог и критерий проверки истинной эффективности замещения. Однако подобная трактовка может быть оспорена с точки зрения реализуемости в краткосрочной перспективе для сложнотехнологичных отраслей, где разрыв в компетенциях слишком велик. Требование немедленного соответствия мировым стандартам цены и качества может оказаться недостижимым без длительного периода обучения и накопления опыта, что предполагает либо временное допущение продукции более низкого класса, либо фокусировку на сегментах, где разрыв минимален.

Проведенный анализ дефиниций позволяет сделать вывод об очевидной эволюции концепции от частного инструмента торговой политики к комплексной парадигме структурной трансформации национальной экономики. В условиях фрагментации глобальных цепочек импортозамещение обретает стратегическое измерение, становясь многофазным процессом управляемой индустриализации и реиндустриализации. Ключевым индикатором успеха следует признать не объем вытесненного импорта (который может быть достигнут и за счет простого снижения потребления), а способность генерировать положительные динамические эффекты: устойчивый рост совокупной факторной производительности, активизацию инновационной деятельности и формирование современного кадрового капитала.

Исходя из синтеза рассмотренных подходов и современных вызовов, можно предложить интегративное определение: **Импортозамещение** — это стратегически мотивированная и институционально поддерживаемая политика структурной перестройки национальной экономики, направленная на целенаправленное формирование полных или ключевых звеньев технологических цепочек создания добавленной стоимости в приоритетных, стратегически значимых секторах. Ее конечной целью является не автаркия, а активное наращивание эндогенного технологического и производственного потенциала для обеспечения устойчивости развития и создания основы для

будущего производства высокотехнологичных товаров и услуг, конкурентоспособных на глобальном рынке.

Историко-теоретический анализ демонстрирует глубокую укоренённость идей, лежащих в основе политики импортозамещения, в эпоху меркантилизма. Качественный скачок в её осмыслении связан с переходом к так называемому «позднему» или «торговому меркантилизму» (XVII–XVIII вв.), где центральной идеей становится концепция активного торгового баланса. Именно в этот период импортозамещение впервые получает развернутое теоретическое обоснование не просто как мера пополнения казны, а как ядро государственной стратегии структурного преобразования экономики. Меркантилизм сформулировал его как системный элемент стратегии догоняющего развития, заложив краеугольный принцип **временного протекционизма** для выращивания «младенческих» национальных отраслей.

Томас Мен, развивая идею активного торгового баланса, предлагал ввозить дешевое иностранное сырье для отечественной промышленности, а ввоз промышленных товаров регулировать протекционистскими методами [10, с. 8–11]. Его идеи представляют первую целостную теоретическую модель, обосновывающую импортозамещение как механизм структурной трансформации и переноса источников богатства из сферы обращения (торговли) в сферу производства. Предложенное им разграничение между «естественными» (сырьевыми) и «искусственными» (промышленными) товарами предвосхищает современные теории глобальных цепочек стоимости и дискуссии о захвате ренты в сырьевых экономиках. Однако подход Мена был все же ориентирован преимущественно на торговый баланс, а не на глубину технологического развития как самоцель.

Жан-Батист Кольбер на практике реализовал первую системную программу форсированной индустриализации («кольберизм»). Его политика основывалась на идее экономической автаркии в рамках национального государства. Ультрапротекционистский тариф 1667 года и создание единой таможенной системы были не просто фискальными или защитными мерами, а

инструментами масштабного реиндустриального планирования [23, с. 127]. Государство стало ведущим инвестором, законодателем стандартов и архитектором новых отраслей (мануфактур). Исторический опыт кольберизма с предельной ясностью показывает как потенциал, так и пределы политики жесткой автаркии: она способна в сжатые сроки создать мощную промышленную базу «с нуля», но в долгосрочной перспективе, без механизмов внутренней конкуренции и притока внешних знаний, неизбежно ведет к технологической стагнации и потере динамизма.

Уильям Петти в своем «Трактате о налогах и сборах» рационализировал протекционизм, предлагая концепцию «дозированного» и прагматичного подхода [14]. Он считал, что полный запрет импорта недопустим, пока он значительно не превысит экспорт, а размер пошлин должен быть таким, чтобы платить их было выгоднее, чем заниматься контрабандой. Его система подчеркивает приоритет прагматизма и технологического развития над простым замещением товаров и идеологией автаркии, внося элементы экономического расчета в протекционистскую политику.

Теоретическая революция Адама Смита, связанная с утверждением принципов свободы торговли и разделения труда, представляет собой кардинальную смену парадигмы [21]. Протекционистская политика импортозамещения в этой системе координат рассматривается как сознательное и иррациональное сужение рынка, ограничивающее разделение труда и потому угрожающее фундаментальному источнику роста благосостояния – росту производительности. Однако парадокс, отмеченный многими последующими экономистами, заключается в том, что в условиях изначальной технологической и промышленной асимметрии между странами свободная торговля по Смиту может законсервировать и усугубить отсталость менее развитых регионов, закрепив за ними роль поставщиков сырья. Таким образом, смитианская критика импортозамещения справедлива для статичного мира с заданными преимуществами, но игнорирует динамическую задачу создания новых, ещё не

существующих сравнительных преимуществ, для чего, как утверждают сторонники промышленной политики, временная защита необходима.

Давид Рикардо, развив теорию сравнительных преимуществ, дал строгое доказательство выгоды торговли для всех её участников даже в условиях абсолютного преимущества одной страны во всем [19, с. 403-466]. Центральное противоречие между рикардианской логикой и логикой импортозамещения лежит в плоскости **темпоральности** (временного горизонта). Модель Рикардо оптимизирует благосостояние в коротком периоде, принимая существующую структуру сравнительных издержек (а значит, и технологий) как данность и неизменную. Импортозамещающая политика, напротив, сознательно жертвует частью краткосрочной эффективности и потребительского излишка ради долгосрочной стратегической цели – целенаправленного изменения этой самой структуры в пользу более сложных, технологичных и капиталоемких видов деятельности, которые изначально неконкурентоспособны.

Майкл Портер в своей теории национальных конкурентных преимуществ сформулировал условия, при которых протекционизм может быть эффективен: наличие жесткого внутреннего соперничества; наличие в стране развитых и требовательных потребителей (условия спроса); временный, а не перманентный характер защиты [16]. Его модель представляет собой синтетическую попытку разрешить основное противоречие между необходимостью государственного вмешательства для создания новых отраслей и рисками консервации неэффективности. Портер вводит в протекционистскую парадигму дисциплинирующий механизм **внутренней конкуренции**, который должен предотвратить формирование рентного поведения. Однако на практике обеспечить одновременно и защиту от внешних конкурентов, и жесткую внутреннюю конкуренцию в условиях небольшого рынка или олигопольной структуры крайне сложно.

Пол Линдер выдвинул важное макроэкономическое ограничение: импортозамещающий рост улучшает условия торговли страны только в том случае, если производимая замещающая продукция составляет значительную

долю мирового рынка [7]. Иными словами, успешное импортозамещение в крупной экономике само по себе меняет мировые цены на данный товар в её пользу. Этот тезис представляет собой жесткое требование к масштабу и эффективности, переводя фокус анализа с внутреннего насыщения рынка на внешний результат политики. Он фактически требует перехода от импортозамещения к стратегическому **экспортоориентированному замещению**, где внутренний рынок становится лишь стартовой площадкой для глобальной конкуренции.

Теория Хекшера-Олина устанавливает принцип структурного детерминизма, согласно которому конкурентные преимущества страны жестко детерминированы её относительной обеспеченностью факторами производства (труд, капитал, земля) [1, с. 91]. С этой точки зрения, попытки импортозамещения в капиталоемких отраслях трудоизбыточной страной обречены на провал, так как будут противоречить её естественным сравнительным преимуществам. Эта теория формирует мощную системную критику импортозамещения, доказывая, что попытки диверсификации, не сопровождающиеся глубокой трансформацией факторной обеспеченности (например, через накопление физического и человеческого капитала), будут неэффективными и ресурсозатратными. Ответом сторонников активной промышленной политики на этот вызов является признание примата задачи качественного изменения национальной базы факторов производства, что и является сверхзадачей стратегии импортозамещения, а не её побочным продуктом.

Рауль Пребиш, возглавлявший ЭКЛАК, сформулировал знаменитый тезис о долгосрочной тенденции к ухудшению условий торговли для стран периферии, экспортирующих сырье, по сравнению со странами «центра», экспортирующими промышленные товары [17, с. 44-52]. Используя дихотомию «центр-периферия», он легитимизировал импортозамещающую индустриализацию как исторически необходимое и оправданное средство разрыва с порочным кругом периферийной зависимости. Протекционизм в его теории — это не ошибка, а стратегический

инструмент изменения места страны в международной технологической и экономической иерархии. Критика этого подхода часто указывает на то, что многие страны Восточной Азии добились прорыва не через изоляцию, а через экспортную ориентацию, однако при этом они активно использовали элементы селективной промышленной политики, включая импортозамещение на ранних этапах.

Современные отечественные исследователи вносят существенный вклад в изучение проблемы, адаптируя теорию к российским реалиям. Кадочников П. А. эмпирически показал ключевую роль реального обменного курса, динамики доходов населения и относительных цен в процессах импортозамещения в переходной экономике России [5]. Его работа акцентирует внимание на макроэкономических условиях, которые могут спонтанно стимулировать или подавлять замещение даже без целенаправленной политики (например, девальвация). Идрисов Г.И. уточнил эти выводы, указав на структурные различия экономик и примат политико-административных решений и институтов над чисто рыночными сигналами в условиях России [3]. Терехов А.П. рассматривал проблему с точки зрения микроэкономической конкурентоспособности и межотраслевой конкуренции товаров-субститутов [22], смещая фокус на уровень предприятия. Исмагилова Л.Р. акцентировала региональный аспект политики, что крайне важно для страны с огромной территориальной дифференциацией [4]. Зайцев Д.Н. рассматривал импортозамещение как результат целенаправленного повышения конкурентоспособности, а не самоцель [2]. Редько С.И. уделял особое внимание импортозамещению с точки зрения продовольственной безопасности, сужая анализ до критически важного, но специфического сектора [18]. Киреев А.П. в своих работах обосновывал потенциальные макроэкономические выгоды импортозамещающего роста через улучшение условий торговли для крупной экономики [6]. Назарчук Е.Н. разрабатывала методику оценки эффективности импортозамещения на уровне предприятия, что является важным инструментом для отбора проектов [11]. Перегородиева Л.Н. связывала успех

импортозамещения со стратегическим переходом к наукоемкому производству и необходимостью развития системы управления инновациями [13]. Пичурин И.И., анализируя историю российского импорта, пришел к выводу, что его бессистемный рост, за исключением точечных заимствований технологий, не приносил пользы экономике, а достиг угрожающих для структурного развития масштабов [15], что служит историческим обоснованием для политики замещения.

Проведенный всесторонний анализ позволяет утверждать, что феномен импортозамещения в XXI веке трансформировался из простой торгово-промышленной меры в комплексный стратегический концепт управления национальной конкурентоспособностью и экономическим суверенитетом в условиях турбулентности. Его эффективность в современном мире определяется не силой барьеров, а способностью обеспечить синергию и согласованность трех взаимосвязанных контуров управления: **стратегического** (формирование видения технологического суверенитета и выбор приоритетов), **структурного** (создание и укрепление национальных и межстрановых производственно-технологических цепочек, инфраструктуры, институтов развития) и **операционного** (корпоративные стратегии, критерии эффективности проектов, стимулы для инноваций и повышения производительности). Таким образом, успешное импортозамещение в современной трактовке — это процесс целенаправленного строительства новой, более сложной, диверсифицированной и устойчивой экономической структуры, требующий не реагирования на конъюнктуру, а проактивного стратегического проектирования, тонкой настройки институтов и постоянного балансирования между защитой и конкуренцией, между долгосрочными целями и краткосрочными ограничениями.

Аргументация в пользу концептуального пересмотра импортозамещения в контексте российской экономики проистекает из глубокого анализа качественной трансформации ее операционной среды. Исторически инкорпорированная в глобальные цепочки создания стоимости модель развития,

основанная на импорте технологий, критических компонентов и сложных промышленных решений, в условиях геоэкономической турбулентности обнажила свою фундаментальную уязвимость. Санкционное давление и намеренный демонтаж кооперационных связей выступили в роли стресс-теста, показавшего, что зависимость от внешних технологических платформ и «импорта компетенций» создает системные риски для национальной безопасности и экономической устойчивости. Прежние интерпретации импортозамещения, сводившие его к задаче замещения конкретных товарных позиций на внутреннем рынке или к развитию изолированных отраслей в условиях протекционистской защиты, оказались несостоятельными перед лицом вызова, атакующего сами основы воспроизводственного контура. Текущий исторический момент настоятельно требует эволюции от реактивной тактики «закрытия импортных пробелов» к проактивной стратегии построения долгосрочного технологического суверенитета. Эта трансформация, в свою очередь, делает неизбежным содержательный пересмотр терминологического аппарата, наполнение понятия «импортозамещение» новым, стратегическим смыслом, соответствующим масштабу стоящих перед национальной экономикой задач.

В ответ на эту необходимость предлагается новая концептуальная рамка, центральным элементом которой является следующее авторское определение:

Стратегическое технологическое импортозамещение — это системная, целеориентированная и институционально консолидированная политика формирования в национальном экономическом пространстве полных инновационно-производственных контуров. Данные контуры охватывают всю цепочку создания стоимости — от проведения фундаментальных и поисковых научных исследований, через разработку и освоение критических технологий, до организации серийного выпуска конечной продукции с высокой добавленной стоимостью. Конечная цель такой политики заключается в достижении базового уровня воспроизводственной автономии и формировании устойчивых конкурентных преимуществ в системообразующих и стратегически

чувствительных отраслях, определяющих потенциал долгосрочного развития и безопасность государства.

Представленная дефиниция осуществляет принципиальный концептуальный сдвиг: фокус внимания перемещается с узкой задачи замещения конкретного товара на стратегическую задачу создания и удержания контроля над технологическим ядром. Под технологическим ядром понимается комплекс уникальных знаний, специализированных компетенций, защищенных ноу-хау и производственных мощностей, которые обеспечивают не только возможность выпуска конечного продукта, но и способность к его самостоятельной эволюции, адаптации к меняющимся требованиям и генерации последующих, более совершенных поколений. Это влечет за собой безусловный приоритет развития базовых, «сквозных» технологических платформ, которые служат фундаментом для множества отраслей: отечественной станкостроительной и инструментальной базы, электронной компонентной базы (ЭКБ), специализированного программного обеспечения (включая системы автоматизированного проектирования, промышленные ОС и средства разработки), а также производства новых материалов. Без овладения этими платформами любые успехи в сборке конечной продукции носят неустойчивый, зависимый характер.

Реализация столь масштабной задачи неизбежно сталкивается с комплексом институциональных и структурных барьеров, унаследованных от предшествующей модели развития. К числу ключевых препятствий относятся: глубокая фрагментация связей между научным сектором, опытно-конструкторскими организациями и серийными производствами; доминирование в корпоративном секторе краткосрочных коммерческих логик, не ориентированных на капиталоемкие и рискованные технологические инвестиции; хронический дефицит кадров, способных эффективно работать на стыке науки, инжиниринга и промышленного менеджмента. Преодоление этих барьеров требует проведения сопряженных институциональных реформ. Эффективная политика стратегического импортозамещения не может быть

сведена к финансовым стимулам для промышленности; она предполагает глубинную трансформацию системы профессионального образования и переподготовки, создание адекватных механизмов «длинного» финансирования рискованных НИОКР, а также переформатирование институтов развития. Их роль должна эволюционировать от распределителя субсидий к активному венчурному инвестору и портфельному управляющему, специализирующемуся на сопровождении перспективных технологических проектов на всех стадиях — от лабораторного образца до выхода на глобальные рынки.

В рамках предложенной парадигмы стратегическое технологическое импортозамещение не является самоцелью, а выступает средством для достижения более фундаментального результата — формирования суверенного технологического ландшафта национальной экономики.

Суверенный технологический ландшафт — это устойчивая и динамичная архитектура экономической системы, характеризующаяся наличием внутренне сбалансированной, взаимосвязанной и воспроизводимой системы научно-исследовательских, опытно-конструкторских и высокотехнологичных производственных возможностей. Данная архитектура обеспечивает стране следующие ключевые способности: а) самостоятельно, исходя из национальных интересов и долгосрочных приоритетов, определять траектории технологического развития в критически важных сферах; б) производить ключевые средства производства (машины, оборудование, комплектующие) и элементы конечной продукции, необходимые для устойчивого функционирования базовых отраслей и гарантированного обеспечения национальной безопасности; в) минимизировать уязвимость и зависимость от внешних поставок, решений и стандартов в технологически чувствительных сегментах; г) генерировать и продвигать на международной арене собственные технологические платформы, протоколы и стандарты.

Важнейшим атрибутом данного понятия является его нестатичность и принципиальная открытость. Суверенный технологический ландшафт — это не синоним экономической автаркии или научно-технической изоляции. Напротив,

он представляет собой развитую инфраструктуру для стратегического, контролируемого и взаимовыгодного взаимодействия с глобальным рынком. Он обеспечивает экономике качество стратегической гибкости – возможность осуществлять осознанный выбор внешних партнеров, технологий для заимствования и форм кооперации, руководствуясь долгосрочными национальными интересами, а не сиюминутной необходимостью преодоления дефицита. Это предполагает проведение активной внешнеэкономической политики, нацеленной на диверсификацию технологического партнерства, участие в формировании новых международных альянсов и стандартов в перспективных областях (искусственный интеллект, квантовые технологии, новая энергетика), а также наращивание несырьевого экспорта. Такой экспорт в данной логике перестает быть случайным явлением и становится закономерным результатом успешного создания внутренних конкурентоспособных технологических платформ, востребованных за рубежом. Таким образом, ландшафт выполняет роль не оборонительного барьера, а мощного фундамента для качественно нового, более равноправного, устойчивого и выгодного позиционирования в системе мирохозяйственных связей.

Переосмысление импортозамещения через призму строительства суверенного технологического ландшафта кардинально меняет его природу и экономическое содержание. Оно трансформируется из оборонительной, зачастую затратной и неэффективной меры, нацеленной на вытеснение импорта, в комплексную инвестиционную стратегию по созданию новых долгосрочных конкурентных преимуществ. Эта стратегия нацелена на формирование основ для будущего опережающего развития в условиях формирующегося нового технологического уклада. Оценка успешности такого перехода требует пересмотра системы индикаторов. Ключевыми показателями эффективности должны стать не только и не столько объемные данные по локализации или снижению доли импорта, сколько качественные, структурные сдвиги: устойчивый рост числа патентов на изобретения, зарегистрированных национальными компаниями и научными организациями в критических

технологических областях; увеличение доли отечественного оборудования и технологических решений в программах обновления основных фондов высокотехнологичных отраслей; возникновение и рост спроса со стороны ведущих промышленных компаний на продукты и услуги национальных технологических платформ (отечественные CAD/CAM/CAE-системы, промышленная элементная база, отечественное измерительное и испытательное оборудование). Достижение этих системных изменений будет свидетельствовать о том, что политика импортозамещения преодолела стадию адаптации к кризису и выполнила свою историческую миссию по преодолению структурной технологической зависимости, заложив прочный фундамент для следующего этапа — технологического лидерства и экономики, основанной на знаниях.

Реализация парадигмы суверенного технологического ландшафта актуализирует системное противоречие между сформированным технологическим потенциалом и возможностями его полномасштабной экономической реализации. Инвестиции в материально-техническую и научно-исследовательскую базу создают необходимый, но недостаточный фундамент. Критическим фактором, детерминирующим скорость и результативность структурных преобразований, выступает человеческий капитал, а именно его управленческо-экономическая компонента, ответственная за стратегическое, инвестиционное и операционное планирование в высокотехнологичных сегментах. Данное утверждение требует методологического обоснования. Инженерно-техническая деятельность решает задачи в пространстве технических параметров и физических закономерностей. Однако трансформация лабораторного образца или опытно-промышленной партии в серийный продукт, интегрированный в национальный воспроизводственный контур и конкурентоспособный на рынке, представляет собой комплексную экономико-управленческую проблему. Она включает оценку экономической целесообразности и расчет точек безубыточности, анализ емкости и динамики рынка, привлечение и оптимальное структурирование финансирования с учетом валютных, технологических и коммерческих рисков, организацию

полномасштабного производства с формированием устойчивых кооперационных связей, разработку маркетинговой и сбытовой стратегии, а также последующий анализ макроэкономических и отраслевых мультипликативных эффектов. Указанный спектр задач относится исключительно к области экономических и управленческих дисциплин. Следовательно, ядро кадровой системы, обеспечивающей формирование суверенного ландшафта, должны составлять не инженеры-разработчики (при сохранении критической важности их функций), а экономисты и управленцы, обладающие специализированными компетенциями для управления полным жизненным циклом технологического проекта.

1. Специалисты с предпринимательскими компетенциями (генераторы технологических возможностей). Данная категория выполняет функцию первичного связывания технологического предложения с потенциальным рыночным спросом. Их деятельность начинается со сканирования среды научно-исследовательских организаций, вузов и отраслевых лабораторий с целью идентификации результатов, обладающих признаками коммерциализуемости. Критериями отбора выступают не только новизна, но и наличие прототипа, оценка патентной чистоты, а также возможность решения с помощью данной технологии актуальной производственной или рыночной проблемы. Следующий этап – операционализация идеи, то есть ее трансформация в бизнес-концепцию. Это предполагает формализацию потребительских свойств будущего продукта или технологии, предварительную сегментацию рынка, оценку потенциального объема спроса и построение первичной финансовой модели. Ключевым результатом их работы является создание структурированного инвестиционного меморандума или паспорта проекта, который служит входным документом для следующего звена контура. Их компетенции должны включать основы технологического прогнозирования, интеллектуальной собственности, экономики инноваций и бизнес-моделирования.

2. Бизнес-инвесторы (агенты селекции и капитализации). На данную категорию возлагается функция экономической верификации и финансового структурирования поступивших бизнес-концепций. Их деятельность представляет собой многоуровневый процесс due diligence. На первом уровне проводится проверка полноты и внутренней непротиворечивости данных, представленных инициаторами проекта. На втором – осуществляется углубленный анализ рынка, конкурентной среды и технологических трендов для оценки реалистичности прогнозов. Третий уровень включает стресс-тестирование финансовой модели, расчет различных сценариев (оптимистичного, пессимистичного, базового) и определение ключевых факторов стоимости проекта. Особенностью их работы в контексте суверенного ландшафта является применение двухконтурной системы оценки: коммерческой эффективности (NPV, IRR, срок окупаемости) и стратегической значимости (вклад в импортозамещение критических технологий, развитие смежных отраслей, укрепление кооперационных связей). На основе этой оценки разрабатывается оптимальная схема финансирования, сочетающая инструменты венчурного капитала, заемного финансирования, государственных субсидий и средств институтов развития. Инвестор не только предоставляет капитал, но и участвует в формировании управленческой команды проекта, определяя требования к компетенциям будущих операционных руководителей.

3. Бизнес-управленцы (агенты операционной реализации). Данная категория ответственна за трансформацию профинансированного бизнес-плана в функционирующее предприятие с устойчивыми производственными и коммерческими процессами. Их деятельность разворачивается по следующим основным направлениям: управление НИОКР (доведение лабораторного образца до промышленного), проектирование и организация производства (выбор оборудования, планирование цехов, внедрение систем менеджмента качества), построение логистических и снабженческих цепочек (локализация поставок, управление запасами), организация сбыта и маркетинга (выход на рынок, формирование дистрибуции, позиционирование). Их ключевая задача –

обеспечение соблюдения плановых показателей по срокам, объему выпуска, себестоимости и качеству продукции. В условиях суверенного ландшафта от них дополнительно требуется умение работать в условиях изначальной неполноты технологических цепочек, находить или инициировать создание отечественных поставщиков критических компонентов и адаптировать глобальные производственные практики к национальным институциональным условиям.

4. Бизнес-аналитики (агенты стратегической обратной связи). Функция данной категории заключается в мониторинге и анализе системных результатов деятельности всего контура. Их работа осуществляется на макроуровне и включает: количественную оценку совокупного эффекта от реализации портфеля проектов (изменение доли отечественной продукции на внутреннем рынке, динамика импорта по критическим позициям, мультипликативное влияние на ВВП и занятость), выявление возникающих структурных дисбалансов и институциональных ограничений (дефицит кадровых компетенций, неразвитость инфраструктуры, барьеры в техническом регулировании), анализ глобальных технологических трендов для проактивного формирования новых приоритетов. На основе собранных данных бизнес-аналитики разрабатывают рекомендации по корректировке параметров государственной политики (критериев поддержки, тарифных и нетарифных мер, направлений финансирования НИОКР), а также формируют новые требования к системе образования и подготовки кадров.

Формирование суверенного технологического ландшафта в условиях структурных ограничений и санкционного давления не может базироваться на линейных моделях управления, где стадия рыночной реализации и конкурентной борьбы является отдалённым следствием первоначальных решений. Критической проблемой становится системный разрыв между созданием технологического прототипа и его устойчивой коммерциализацией на рынке, где продукт должен не только замещать импорт, но и конкурировать по параметрам качества, стоимости и потребительских свойств. Преодоление данного разрыва требует реконфигурации кадрового обеспечения, основанной на принципах

полицентрической сетевой интеграции, где четыре ключевые функции – предпринимательская, инвестиционная, управленческая и аналитическая – перестают быть последовательными этапами и трансформируются во взаимосвязанные компоненты единого контура управления на протяжении всего жизненного цикла продукта. Успех в данном контексте определяется способностью системы не просто произвести, а вывести на рынок, защитить от конкурентного давления, адаптировать к изменяющейся регуляторной среде и последовательно развивать продукт.

Для этого функционал каждой категории специалистов должен быть существенно расширен и ориентирован на сквозные задачи рыночного выживания и роста. Специалисты с предпринимательскими компетенциями, ответственные за первичную идентификацию технологической возможности, должны закладывать основы будущей конкурентоспособности и управляемости жизненного цикла уже в исходной бизнес-концепции. Это предполагает включение в неё предварительного анализа целевого рынка с оценкой силы конкурентов, прогноза их потенциальных ответных действий, включая ценовой демпинг или технологическое блокирование, а также формирования перечня критических требований к регуляторной среде (техническим регламентам, стандартам, процедурам сертификации). Таким образом, их роль эволюционирует от генератора технологических идей к архитектору рыночно ориентированного решения, изначально содержащего стратегию его коммерческого продвижения и институциональной защиты.

Бизнес-инвесторы, осуществляющие финансовую экспертизу и селекцию проектов, должны рассматривать свою функцию не как пассивное финансирование, а как активное структурирование предприятия, устойчивого к рыночным и внешнеполитическим рискам. Их due diligence обязан включать стресс-тестирование бизнес-модели на предмет устойчивости к действиям иностранных конкурентов и изменению санкционного режима. Инвестиционный меморандум должен содержать не только финансовые показатели, но и план по созданию конкурентных преимуществ, а также ресурсы, зарезервированные для

работы по адаптации регуляторной среды. Именно бизнес-инвесторы, обладающие необходимыми ресурсами и отраслевым весом, берут на себя инициирование процесса лоббирования на ранних стадиях проекта. Они выявляют ключевые административные барьеры и, используя свои связи, инициируют диалог с профильными ассоциациями и государственными органами для их устранения, будь то ускорение процедур допуска продукции на рынок или корректировка критериев государственных закупок.

Бизнес-управленцы, обеспечивающие операционную реализацию, становятся центральными агентами непосредственной рыночной борьбы и управления жизненным циклом продукта на этапе его коммерческого существования. Их ответственность выходит за рамки организации производства и включает реализацию утверждённой конкурентной стратегии, управление сбытовой сетью, ценообразование, а также сбор и анализ обратной связи от рынка. Они отслеживают действия конкурентов, фиксируют случаи недобросовестной конкуренции или дискриминации, возникающие из-за санкционного контекста, и оперативно формируют запросы на поддержку. Данные о конкретных рыночных и регуляторных барьерах, собранные управленцами, являются критически важным сырьевым материалом для системного лоббирования. Таким образом, управленцы не просто исполняют план, а выступают основными поставщиками информации о реальных проблемах, с которыми сталкивается продукт в конкурентной среде.

Бизнес-аналитики, выполняющие функцию стратегической рефлексии, обеспечивают замыкание контура управления. Их роль заключается в анализе не только агрегированных макроэкономических показателей импортозамещения, но и эффективности конкретных инструментов конкурентной борьбы, применяемых в реализованных проектах. Они оценивают результаты лоббистских инициатив, анализируют причины успехов и неудач в отстаивании рыночных позиций, изучают адаптацию глобальных компаний к санкциям в отношении аналогичных продуктов. На основе этого анализа бизнес-аналитики готовят комплексные системные предложения для корректировки

государственной промышленной политики, технического регулирования и мер поддержки. Эти предложения, содержащие экономические и правовые обоснования, становятся основой для нового, более масштабного и скоординированного цикла лоббирования, осуществляемого уже на уровне отраслевых союзов при участии бизнес-инвесторов.

Алгоритм взаимодействия данных групп представляет собой непрерывную итерационную последовательность. На стадии инициации специалист с предпринимательскими компетенциями, разрабатывая концепцию, формулирует предварительные гипотезы о конкурентных преимуществах и регуляторных барьерах. На экспертно-инвестиционном семинаре эти гипотезы немедленно проверяются приглашёнными бизнес-управленцами (на предмет рыночной реализуемости) и бизнес-инвесторами (на предмет финансовых и нефинансовых рисков). После инвестиционного решения формируется расширенная рабочая группа под руководством инвестора, в которую входят будущий управленец и представитель аналитического центра. Эта группа детализирует дорожную карту, где ключевые вехи привязаны не только к технологическим этапам, но и к действиям по лоббированию необходимых изменений в стандартах или по защите рынка. В процессе операционной реализации бизнес-управленец ежеквартально представляет отчёт стратегическому комитету, где присутствуют инвесторы и аналитики. В отчёте, помимо финансовых показателей, анализируется динамика рыночной доли, эффективность маркетинговых активностей и возникающие регуляторные сложности. Если выявляется системная проблема (например, антиконкурентные действия иностранного поставщика или новый санкционный запрет), комитет инициирует экстренный режим работы: аналитики готовят экспресс-анализ и пакет возможных ответных мер, инвесторы мобилизуют отраслевые ресурсы для лоббирования, а управленцы предоставляют фактологическую базу. По завершении определённого этапа или жизненного цикла продукта бизнес-аналитики проводят итоговый разбор, результаты которого используются для корректировки исходных карт технологических возможностей и критериев

отбора будущих проектов, обеспечивая накопление институционального знания и эволюцию всей системы.

Таким образом, предложенная модель трансформирует процесс импортозамещения из задачи простого насыщения внутреннего рынка в стратегию построения долгосрочных конкурентных преимуществ. Она обеспечивает сквозную интеграцию вопросов рыночной реализации, управления жизненным циклом, конкурентной борьбы и адаптации к санкциям в работу каждой кадровой категории. Чёткое распределение функций по инициированию и поддержке лоббистской деятельности между инвесторами (практическая инициация) и аналитиками (системное обоснование) создаёт устойчивый механизм формирования благоприятной институциональной среды. Такая полицентрическая архитектура позволяет не реагировать на вызовы, а проактивно проектировать траекторию развития технологического суверенитета в условиях жёсткой глобальной конкуренции.

Центральной научно-прикладной проблемой является определение объективно обоснованного и динамически адаптивного соотношения подготовки указанных четырех типов специалистов в совокупном выпуске вузов. Данное соотношение не может являться константой; оно должно определяться как функция параметров внешней среды, отражающих текущий этап технологической трансформации и характер внешних вызовов. В качестве таких объективных, регулярно измеряемых и лишенных субъективности параметров предлагается использовать два макроэкономических индикатора.

Первый индикатор — Индекс структурного сдвига. Он рассчитывается как отношение объема инвестиций в основной капитал в обрабатывающих производствах (по видам деятельности «Обрабатывающие производства» за вычетом низкотехнологичных сегментов) к объему инвестиций в добывающих отраслях за отчетный период.

$$I = \text{Инвобраб} / \text{Инвдоб} \quad (1),$$

где I – индекс структурного сдвига;

Инв_обrab – объем инвестиций в основной капитал в обрабатывающих производствах;

Инв_доб – объем инвестиций в добывающих отраслях.

Рост данного индекса служит количественным свидетельством интенсификации процесса диверсификации экономики и формирования нового несырьевого потенциала, что непосредственно генерирует спрос на все категории управленческих кадров.

Второй показатель — Коэффициент технологической зависимости. Он определяется как доля импорта машин, оборудования, транспортных средств, электроники и фармацевтической продукции (стандартные группы ТН ВЭД, представляющие передовые технологии) в общем объеме импорта товаров.

$$K_{тз} = \text{Имп_техн} / \text{Имп_общ}, \quad (2)$$

где $K_{тз}$ – коэффициент технологической зависимости;

Имп_техн – объем импорта высокотехнологичной продукции;

Имп_общ – общий объем импорта товаров.

Динамика коэффициента отражает степень сохраняющейся уязвимости технологических цепочек: его снижение свидетельствует о прогрессе в импортозамещении и росте внутреннего технологического вклада.

На основе данных объективных переменных конструируется интегральная формула, непосредственно рассчитывающая целевое процентное соотношение. Попытки задать его через систему уравнений с произвольными весовыми коэффициентами методологически некорректны, так как вносят скрытый субъективизм. Взамен предлагается единая функция, в которой результат для каждого типа специалистов является комбинацией исходных параметров с четкой математико-экономической интерпретацией. Такой формулой выступает **формула интегрального расчета соотношения специалистов:**

$$R = (I * (1 - K)) / (I + K) \quad (3)$$

где R – интегральный показатель, определяющий базовое распределение;

I – индекс структурного сдвига;

K – коэффициент технологической зависимости.

Расчет долей на основе показателя R осуществляется по следующим формулам.

Доля бизнес-управленцев:

$$D_{упр} = (R / (1 + R)) * 100\% \quad (4)$$

где $D_{упр}$ — доля бизнес-управленцев.

Доля бизнес-инвесторов:

$$D_{инв} = ((1 - K) * R / (1 + R)) * 100\%, \quad (5)$$

$D_{инв}$ — доля бизнес-инвесторов.

Доля специалистов с предпринимательскими компетенциями:

$$D_{предпр} = ((1 / (K + 0.1)) * R / (4 * (1 + R))) * 100\%, \quad (6)$$

$D_{предпр}$ — доля специалистов с предпринимательскими компетенциями.

Доля бизнес-аналитиков определяется как остаток:

$$D_{ал} = 100\% - (D_{упр} + D_{инв} + D_{предпр}), \quad (7)$$

Логико-математическое обоснование формулы (3) заключается в следующем. Ее ядро $R = (I * (1 - K)) / (I + K)$ представляет собой компромиссную функцию. Числитель $I * (1 - K)$ аккумулирует позитивный импульс: он возрастает при росте инвестиций в обрабатывающую промышленность (рост I) и одновременном снижении технологической зависимости (снижение K , рост $(1-K)$). Данная величина является количественной мерой успешности формирования суверенного ландшафта. Знаменатель $(I + K)$ выполняет нормирующую функцию, обеспечивая асимптотическое приближение R к 1 при значительном превышении I над K (успешная диверсификация) и к 0 в обратном случае (доминирование сырьевой модели и импорта). Таким образом, R варьируется в диапазоне от 0 до 1, выступая безразмерным индикатором зрелости системы с точки зрения кадровых потребностей.

Далее, доля бизнес-управленцев, формирующая операционный костяк, задается логистической функцией от R : $(R / (1 + R))$. Это отражает тот факт, что потребность в операционных менеджерах является наиболее общей и непосредственно вытекает из общей зрелости процесса (R). Доля бизнес-

инвесторов модифицируется множителем $(1 - K)$, поскольку их активность критически важна на этапе активного преодоления технологической зависимости; по мере снижения K их относительная доля возрастает. Доля специалистов с предпринимательскими компетенциями имеет гиперболическую зависимость от K через множитель $(1 / (K + 0.1))$, где константа 0.1 предотвращает неограниченный рост. Это формализует принцип: чем ниже доступность внешних технологий (меньше K), тем выше потребность в эндогенной генерации предпринимательских идей. Делитель 4 выступает параметром масштабирования, обеспечивающим соразмерный вклад данной доли в общую сумму. Доля бизнес-аналитиков, функция которых актуализируется на более зрелых стадиях для анализа достигнутых результатов, определяется по остаточному принципу, что гарантирует выполнение условия 100% и отражает комплементарный, производный характер данной роли от состояния системы в целом.

Предложенная модель переводит задачу управления кадровым обеспечением суверенного технологического ландшафта из области экспертных оценок и административного планирования в плоскость динамического регулирования, основанного на прозрачных и объективно измеряемых макроэкономических индикаторах.

Библиографический список:

1. Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях вступления в ВТО и евразийской интеграции : монография / А. Е. Дайнеко [и др.] ; под науч. ред. А. Е. Дайнеко. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 245 с.
2. Зайцев, Д.Н. Организация производства импортозамещающей продукции как направление экономического развития региона : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Зайцев Дмитрий Николаевич. – Оренбург, 2002. – 175 с.
3. Идрисов, Г.И. Факторы спроса на импортные товары инвестиционного назначения в России / Г.И. Идрисов ; под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева. – Москва : Институт Гайдара, 2010. – 204 с.

4. Исмагилова, Л.Р. Развитие экспортоориентированных и импортозамещающих производств как фактор интеграции региона в систему мирохозяйственных связей : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.14 / Исмагилова Лилия Рашидовна. – Казань, 2004. – 202 с.
5. Кадочников, П.А. Влияние импортозамещения на процессы экономического роста в переходной экономике : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.01 / Кадочников Павел Алексеевич. – Москва, 2005. – 126 с.
6. Киреев, А.П. Международная экономика. В 2 ч. Ч. 1. Международная экономика: движение товаров и факторов производства : учеб. для вузов / А.П. Киреев. – Москва : Международные отношения, 2007. – 416 с.
7. Линдер, П. Экономика мирохозяйственных связей : учебник / П. Линдер ; пер. с англ. под общ. ред. О. В. Ивановой. – Москва : Прогресс, 1992. – 520 с.
8. Лозовский, Л.Ш. Универсальный бизнес-словарь / Л.Ш. Лозовский, Б.А. Райзберг, А.Н. Стародубцева. – Москва : ИНФРА-М, 1997. – 632 с.
9. Макаров, А.Н. Импортозамещение как инструмент индустриализации экономики региона: инновационный аспект (на примере Нижегородской области) / А.Н. Макаров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – № 5. – С. 36–40.
10. Мен, Т. Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс внешней торговли как регулятор нашего богатства / Т. Мен // Экономическая теория : хрестоматия / сост. Е. Ф. Борисов. – Москва : Высшая школа, 1995. – С. 8–11.
11. Назарчук, Е.Н. Теоретические и методические основы эффективного импортозамещения на российских промышленных предприятиях : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Назарчук Елена Николаевна. – Самара, 2007. – 137 с.
12. Павлова, И.П. Проблемы импортозамещения в России / И.П. Павлова, К. С. Новицкий // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2015. – № 1 (1). – С. 19–26.

13. Перегородиева, Л.Н. Развитие управления импортозамещением на отечественных промышленных предприятиях : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Перегородиева Любовь Николаевна. – Саратов, 2013. – 204 с.
14. Петти, У. Трактат о налогах и сборах; *Verbum Sapienti*; Разное о деньгах / У. Петти ; пер. с англ. – Петрозаводск : Петроком, 1993. – 156 с.
15. Пичурин, И.И. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО : монография / И.И. Пичурин, Д. В. Блинов. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2014. – 144 с.
16. Портер, М. Международная конкуренция : конкурентные преимущества стран / М. Портер ; пер. с англ. под ред. и с предисл. В.Д. Щетинина. – Москва : Международные отношения, 1993. – 895 с.
17. Пребиш, Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития / Р. Пребиш // Латинская Америка. – 1977. – № 6. – С. 44–52.
18. Редько, С.И. Импортозамещение продуктов питания как фактор обеспечения продовольственной безопасности России : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Редько Сергей Иванович. – Москва, 2003. – 144 с.
19. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо // Классика экономической мысли : сочинения / сост. Л.А. Лозовский. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 403–466.
20. Семенов, А.М. Политика импортозамещения в развитии фармацевтической промышленности России : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Семенов Александр Михайлович. – Москва, 2014. – 166 с.
21. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; пер. с англ. – Петрозаводск : Петроком, 1993. – 319 с.
22. Терехов, А.П. Повышение конкурентоспособности импортозамещающей продукции промышленных предприятий : диссертация на

соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Терехов Андрей Петрович. – Москва, 2000. – 224 с.

23. Титов, А.В. К вопросу о возникновении и развитии концепции импортозамещения в теории и практике меркантилистов XVII–XVIII вв. / А.В. Титов // Экономика и управление. – 2009. – № 2. – С. 126–129.

References:

1. Foreign trade of the Republic of Belarus in the context of WTO accession and Eurasian integration: monograph / A. E. Daineko [et al.]; edited by A.E. Daineko. – Minsk: Belarusian Science, 2013. – 245 p.

2. Zaitsev, D.N. Organization of production of import-substituting products as a direction of regional economic development: dissertation for the degree of candidate of economic sciences: 08.00.05 / Zaitsev, Dmitry Nikolaevich. – Orenburg, 2002. – 175 p.

3. Idrisov, G.I. Factors of demand for imported investment goods in Russia / G.I. Idrisov; edited by S. G. Sinelnikov-Murylev. – Moscow : Gaidar Institute, 2010. – 204 p.

4. Ismagilova, L.R. Development of export-oriented and import-substituting industries as a factor in integrating a region into the system of world economic relations : Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences : 08.00.14 / Ismagilova Liliya Rashidovna. – Kazan, 2004. – 202 p.

5. Kadochnikov, P.A. The Impact of Import Substitution on the Processes of Economic Growth in a Transition Economy : Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences : 08.00.01 / Kadochnikov Pavel Alekseevich. – Moscow, 2005. – 126 p.

6. Kireev, A.P. International Economics. In 2 parts. Part 1. International Economy: Movement of Goods and Factors of Production : Textbook for Universities / A.P. Kireev. – Moscow: International Relations, 2007. – 416 p.

7. Linder, P. Economics of World Economic Relations: textbook / P. Linder; translated from English under the general editorship of O.V. Ivanova. – Moscow: Progress, 1992. – 520 p.

8. Lozovsky, L.Sh. Universal Business Dictionary / L.Sh. Lozovsky, B.A. Raizberg, A.N. Starodubtseva. – Moscow: INFRA-M, 1997. – 632 p.
9. Makarov, A.N. Import Substitution as a Tool for Industrializing a Region's Economy: The Innovative Aspect (using the Nizhny Novgorod Region as an Example) / A.N. Makarov // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2011. – № 5. – pp. 36–40.
10. Men, T. England's Wealth in Foreign Trade, or the Balance of Foreign Trade as a Regulator of Our Wealth / T. Men // Economic Theory: Reader / compiled by E. F. Borisov. - Moscow: Vysshaya Shkola, 1995. – Pp. 8-11.
11. Nazarchuk, E.N. Theoretical and Methodological Foundations of Effective Import Substitution at Russian Industrial Enterprises: Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Nazarchuk Elena Nikolaevna. – Samara, 2007. – 137 p.
12. Pavlova, I.P. Problems of Import Substitution in Russia / I.P. Pavlova, K.S. Novitsky // Actual Problems of Economics and Management. – 2015. – № 1 (1). – Pp. 19-26.
13. Peregorodieva, L.N. Development of Import Substitution Management at Domestic Industrial Enterprises: Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Peregorodieva Lyubov Nikolaevna. – Saratov, 2013. – 204 p.
14. Petty, W. Treatise on Taxes and Fees; Verbum Sapienti; Miscellaneous about Money / W. Petty; Translated from English. - Petrozavodsk: Petrokom, 1993. – 156 p.
15. Pichurin, I.I. Ensuring Import Substitution after Russia's Accession to the WTO: Monograph / I.I. Pichurin, D.V. Blinov. – Yekaterinburg: Publishing House of the UPI University of Management Sciences, 2014. – 144 p.
16. Porter, M. International Competition: Competitive Advantages of Countries / M. Porter; Translated from English, edited and with a preface by V.D. Shchetinin. – Moscow: International Relations, 1993. – 895 p.
17. Prebisch, R. Actual Problems of Socio-Economic Development / R. Prebisch // Latin America. – 1977. – № 6. – Pp. 44–52.

18. Redko, S.I. Import Substitution of Food Products as a Factor in Ensuring Food Security of Russia: Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Redko, Sergei Ivanovich. – Moscow, 2003. – 144 p.
19. Ricardo, D. Principles of Political Economy and Taxation / D. Ricardo // Classics of Economic Thought: Works / compiled by L.A. Lozovsky. – Moscow: EKSMO-Press, 2000. – Pp. 403-466.
20. Semenov, A.M. Import Substitution Policy in the Development of the Pharmaceutical Industry of Russia: Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Semenov Aleksandr Mikhailovich. – Moscow, 2014. – 166 p.
21. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith; translated from English. - Petrozavodsk: Petrokom, 1993. – 319 p.
22. Terekhov, A.P. Increasing the Competitiveness of Import-Substituting Products of Industrial Enterprises: Dissertation for the Degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Terekhov Andrey Petrovich. – Moscow, 2000. – 224 p.
23. Titov, A.V. On the Issue of the Emergence and Development of the Concept of Import Substitution in the Theory and Practice of Mercantilists of the 17th–18th Centuries / A.V. Titov // Economics and Management. – 2009. – № 2. – P. 126–129.